

1. Демина, Л. В. Песенная культура русского населения юга Тюменской области: монография / Л. В. Демина. – Тюмень: Титул, 2013. – 284.
2. Живое слово. Фольклор юга Тюменской области в школе: пособие для учителя (материалы по региональному фольклору) / под ред. В. Н. Евсеева; авт.: В. Н. Евсеев, И. С. Карабулатова, С. Ж. Макашева, Л. В. Демина, З. Я. Селицкая, Д. М. Мухамадиева, Г. К. Чаукурова. – Тюмень: Печатник, 2008. – 228 с.
3. Флиер, А. Я. Историческая динамика культуры / А. Я. Флиер // Философские науки. – 2000. – № 2. – С. 167–173.

Казанина В. Ю.

Белорусский государственный университет культуры и искусств

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И УНИКАЛЬНОЕ В ЭТНОТОВАРАХ БЕЛАРУСИ: ИЗ ОПЫТА АНТИКВАРА

В XXI в. в Беларуси уделяется всё большее внимание сохранению человеческого капитала, этнокультурной идентичности и охране символизирующих эту идентичность памятников историко-культурного наследия. Отечественная материальная культура с глубокими историческими и этнокультурными «корнями», получающая свое выражение в сохранившихся с прошлых времён артефактах (от *лат. artefactum*, т. е. «рукотворный», «искусственно созданный»), становится всё более трендовой. *Большинство исторически ценных артефактов являются антиквариатом* – объектами с определенным сроком давности, имеющими этнографическое, научное или художественное значение.

Как правило, за пределами своей страны этноизделия и антиквариат ценятся за оригинальность, неповторимый стиль и редкость. Цель статьи – уточнить, как же «вписаны» (в силу соотношения своей уникальности и универсальности) в современный художественный процесс и рыночные отношения наиболее известные этнотовары Беларуси: слуцкий пояс, ветковская икона, расписной льняной ковёр, мотольский полушубок.

В Беларуси предметы антиквариата это – «культурные ценности, созданные более 50 лет назад по отношению к дате приема на комиссию (произведения живописи, графики, скульптуры, старинная мебель; предметы декоративно-прикладного искусства; уникальные и редкие музыкальные инструменты; старинные монеты, ордена, медали и другие предметы коллекционирования)» [4]. Антиквариат и старинные памятники декоративно-прикладного искусства в миллионном вызывают устойчивый и постоянно возрастающий общественный интерес. Этот интерес обусловлен историческим характером предметов антиквариата и старинных артефактов народных промыслов и ремёсел Беларуси. Они, как правило, удовлетворяют духовные и эстетические потребности общества, способствуют его консолидации, и, как следствие, формируют инвестиционную привлекательность. При вовлечении их в рыночный обмен они становятся этнотоварами – предметами, за которые платят деньги (часто – немалые) именно за их связь с искусством, историей и культурой определённого народа. Остановимся на некоторых этнотоварах Беларуси, имеющих трендовый и устойчивый спрос на антикварном рынке, а именно, на следующих: слуцкий пояс, ветковская икона, расписной льняной ковёр, мотольский полушубок.

Слуцкие пояса (рис. 1) являлись элементом мужского костюма наиболее богатых представителей элиты Великого княжества Литовского XVIII – XIX вв., и стали изготавливаться в Слуцке с 1760 г., когда тогдашний владелец города князь Иероним Флориан Радзивилл оставил основанную им здесь большую мануфактуру в наследство своему старшему брату Михаилу Казимиру, расширившему и усовершенствовавшему производство поясов. Радзивиллов из-за несметных богатств называли «некоронованными королями» земель Беларуси, они могли себе позволить привлекать к изготовлению поясов не только местных ткачей, но и иностранцев, например, известного мастера турецкого армянина Яна Маджарского (настоящее имя Ованес Маджарянц) из Стамбула. Пояса на их мануфактуре ткали из тонких шелковых, золотых и серебряных нитей: односторонними, двухсторонними, и даже четырехсторонними – наиболее роскошными (каждая сторона четырёхстороннего пояса была разделена на две части с разными цветами, а пояс складывался вдвое). Повязывали их поверх кунтуша (верхней одежды шляхты) и крепили к поясу оружие.

Недавно такой пояс (3,5×0,35 м, четырехсторонний, из шелковых и серебряных с позолотой нитей, с узорной каймой по краям и угловой меткой на латинском языке) предложил купить могилёвскому музею антиквар, но цена была такова, что музейные работники были вынуждены искать спонсоров. Дело в том, что во времена его производства стоимость «роскошного» пояса примерно

соответствовала годовому(!) жалованью офицера Речи Посполитой – 1 000 злотых. Пояса «попроше» носила небогатая шляхта, а сегодня рыночная стоимость аутентичного пояса – от 50 000 до 80 000 \$ [7]. Слуцкие пояса похожи на персидские шёлковые пояса того времени, но, как считают искусствоведы, имеют свои неповторимые особенности по колористике, узорному ткачеству и технологиям. Кроме этого, они – историко-культурный памятник предприимчивости, толерантности и деловой хватке наших предков.

Рис. 1. Слуцкий пояс. 1760-е гг.

Рис. 2. Образ «Богородица Огневидная». Ветка, начало XIX в.

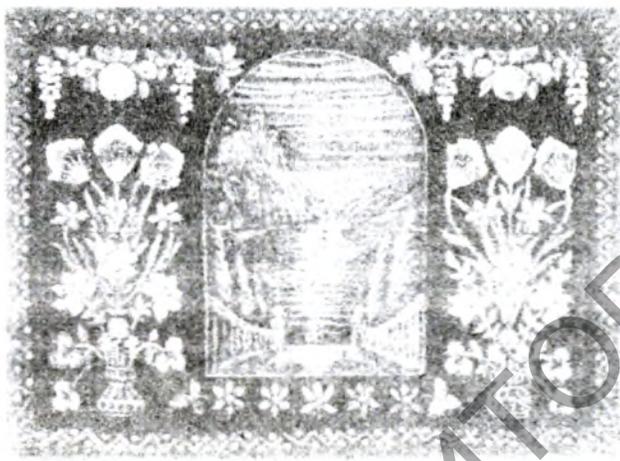

Рис. 3. Язеп Дроздович. «Замок, терраса, парус», расписной ковёр. 1930-е

Рис. 4. Мастер Любовь Стасевич и её полушубок. Мотоль. 2015

Ветковская икона (она же – ветковская старообрядческая икона) – памятник не только традиционным видам искусства, но и добрососедству, толерантности жителей Беларуси. Старообрядцы появились у нас во время религиозных гонений на них в России в XVII – XVIII вв. Жить на землях тогдашнего Великого княжества Литовского (одного из наиболее веротерпимых государств того времени) им было «хорошо, мирно и свободно» [1, с. 5]; сегодня же музей города Ветки (где с 1680-х гг. появилась большая диаспора староверов) называется «Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова».

Аутентичные православные иконы XV – XVII вв. сегодня на рынке не сыскать «днём с огнём»: они попадают напрямую к «акулам» антикварного бизнеса и стоят от 150 000 \$. Ветковская же икона (как памятник сравнительно позднего этапа иконописания – XVIII – XIX вв.) долгое время не привлекала учёных и антикваров. Исследования старообрядческой иконы XVIII – XIX вв. начались в конце XX в., а ветковскую икону такие искусствоведы, как Т. Гребенюк и Г. Нечаева активно изучали и популяризировали только с конца 1990-х гг. Сегодня коллекции этих икон есть не только в музее города Ветки, но и в московском Государственном историческом музее. Коллекционеры ими также активно интересуются. На актуальном рынке антиквариата цены на ветковские иконы – от 900 до 10 000 \$. Среди них много выдающихся памятников иконописи, из которых можно сформировать оригинальную и основательную коллекцию.

По мнению исследователей, ветковские иконы «...ярко индивидуальны и вместе с тем глубоко традиционны по духу и насыщены фольклорным мироощущением. Исследование памятников ветковской школы убеждает в том, что она представляет собой значительное явление в истории отечественной культуры» [5, с. 16]. В качестве примера этому можно привести редкий образ «Бо-

городища Огневидная» (рис. 2), где Богоматерь прописана с ярко-алым ликом и изображена в пурпурных ризах. Происхождение этого нетипичного для «классики» православного иконописания образа связано с эсхатологическим комплексом восточнославянской мифологии (от др.-греч. ἔσχατος – «конечный», «последний» + λόγος – «слово», «знание»: с системой представлений о конце света, искуплении и загробной жизни, о судьбе мира и его переходе в новое состояние), что объясняет ревностное почитание иконы радикальными старообрядцами, особенно на этапе гонений, связанном с трагическими случаями их самосожжений. По-видимому, мотив спасения соединился в мироощущении ветковских иконописцев с идеей божественного огня (мифопоэтического символа очищения, новой жизни и воскресения).

Скромный расписной ковёр («маляваны дыван») от современного мастера-живописца, выполненный в традиционной для Беларуси технике (яркими красками по предварительно загрунтованному в чёрный цвет льняному полотну, где в центре композиции – основной сюжет, по краю – декоративная окантовка в виде разноцветных орнаментированных цветов, растений и плодов), размером всего 40×30 см, что вдвое меньше обычного, сегодня стоит от 80 белорусских рублей (около 40 \$) [6]. Это – неудивительно, поскольку популяризация этого вида традиционного искусства у нас связана с именем гениального художника Язэпа Дроздовича (1880–1954), которого по праву называли «белорусским Чурленисом» и «белорусским Пиромани» [8, с. 12].

В 1930–1940 гг. этот художник-странник создал для жителей хуторов и деревень Подвиныя Беларуси множество расписных настенных ковров в местной традиции (рис. 3), обогатив её своими сессессионными, космистскими, археологическими знаниями и умениями, нарисовав ряд живописных шедевров, которые были и украшением сельского дома, и оберегами... Селяне чтили и бережно хранили его ковры много лет» [Там же, с. 10]. И когда вновь найденные исследователями (десятилетия спустя) эти произведения стали «ярким открытием» для отечественного искусства, а Дроздович объявлен «первым национальным художником, народным философом-утопистом, самобытным и оригинальным художником-визионером» [Там же, с. 12], традиционный для Беларуси жанр расписных ковров пережил «бум» и стал активно востребованным на антикварном рынке явлением. Следует отметить, что, в соответствии с законом Республики Беларусь «О авторском и смежных правах», все произведения Дроздовича «находятся в общественном достоянии в связи с завершением срока действия имущественных прав» [3]. Продаются на рынке только расписные ковры его последователей – современных мастеров.

С ещё одним памятником этноискусства Беларуси – западнополесским мотольским полушубком (рис. 4) – связана загадочная, мало известная и утраченная местная субкультура лаборей (сообщества мужчин-уроженцев местечка Яново-Полесское, занятых эксклюзивным сезонным промыслом – сбором пожертвований на православную церковь или на римско-католический костел в крупных городах Беларуси, Литвы, Украины и России). В народе их называли лаборями (от лат. labor – «труд»). До 1930-х гг. несколько веков подряд этим занятием в свободное от полевых работ осенне-зимнее время промышляли все мужчины Яново-Полесского (за редким исключением), пользуясь в общении искусственным языком (возможно, перенятым от русских старцев и нищих). После 1939 г. лабарство исчезло вместе с исчезающими (под давлением атеизма) храмами. Когда в 1990-х гг. интеллигенция Яново-Полесского решила поставить в городе памятник лаборю, её представители уточнили, что: «Это должен быть человек среднего роста, с черными волосами, черными же глазами, с белым правильным и умным лицом. Одежда лаборя – простой полушубок с ременным кушаком, сапоги с длинными голенищами и черная суконная шапка с козырьком» [2]. Именно такими лаборей видели во всех городах Беларуси, в Вильнюсе, на Волыни, даже в Москве и в Санкт-Петербурге.

Считают, что именно в полушубки, пошитые в деревне Мотоль, во время своих путешествий за сбором пожертвований и одевались лабори (что не мудрено), ведь, раньше, для того, чтобы купить полушубки, сшитые местными мастерами, сюда приезжали издалека, не только из Яново-Полесского (рядом с которым расположен Мотоль): «И при СССР заказов было море – от Беларуси до Дальнего Востока! Тогда у нас в каждой хате был цех. По ночам работали, потому что днем работа была в колхозе, – объясняет 78-летний мастер по кожухам Степан Малич» [Там же].

По преданию, высококлассных ремесленников по обработке и пошиву кожаных изделий привезла в западнополесские земли из Италии ещё Бона Сфорца – королева польская и великая княгиня литовская в 1518–1556 гг., вторая супруга польского короля Сигизмунда I, дочь миланского герцога Джана Галеаццо Сфорца. Обученные же ими местные мастера и их преем-

ники долго зарабатывали этим промыслом на жизнь, причём, в мотольские полушубки, действительно, были одеты многие партаппаратчики и представители творческой элиты СССР, а рыночная стоимость нового мотольского полушубка сегодня – от 400 \$.

Антиквариат и старинные памятники декоративно-прикладного искусства Беларуси (такие как слуцкий пояс, ветковская икона, расписной льняной ковёр, мотольский полушубок и др.) являются составной частью культурного наследия нашей страны и имеют большое значение в определении национальной идентичности и самобытности белорусов как народа. В их «многослойности» уникальности и универсальности – действительность традиционного искусства, которое, принадлежа отдельному народу, всегда в то же время – и общечеловеческое достояние. Долгие годы в Беларуси антиквариат и народное ДПИ бесконтрольно уничтожались, вывозились, обменивались на предметы элементарного обихода, их количество сегодня катастрофически уменьшилось. Именно поэтому в настоящее время они часто имеют очень большую (духовную и материальную) ценность.

1. Веткаўскі музей народнай творчасці / укл. Г. Нячаева, С. Лявонцьева, Ф. Шкляраў. – Мінск: Беларусь, 1994. – 167 с.
2. Гурин А. В поисках утраченного / А. Гурин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.21.by/2006/04/22/26854.html>. – Дата доступа: 01.12.2017.
3. Ковры // Я. Н. Дроздович. Галерея художественного искусства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drazdovich.by/ru/gallery/9>. – Дата доступа: 01.12.2017.
4. Кожевников, А. Особенности комиссионной торговли непродовольственными товарами / А. Кожевников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://reomag.by/number/2007/9/komiss_torgovl. – Дата доступа: 01.12.2017.
5. Корусь, Е. Старообрядческая икона Ветки / Е. Корусь // Антиквар. – № 4, 2010. – С. 14–18.
6. Маляваны дыван «Бабуля і коцік» ручной работы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ceh32.by/catalog/vyshivka/1152-malyavany-dyvan-babulya-i-kotsik>. – Дата доступа: 01.12.2017.
7. Хитрикова, Г. Слуцкий пояс 1760-х годов предложил купить музею истории Могилева частный коллекционер / Г. Хитрикова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/culture/467896.html>. – Дата доступа: 01.12.2017.
8. Язэп Драздовіч / укл. Н. Усава, В. Архіпава. – Мінск: Беларусь, 2013. – 96 с.

Казюлина С. Д.

Национальный академический Большой театр оперы и балета Беларуси

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ БОЛЬШОЙ ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА БЕЛАРУСИ В БЕЛОРУССКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Национальный академический Большой театр оперы и балета Беларуси всегда был и остается одним из основных символов белорусского государства и его культуры. Это главный национальный театр республики, носитель традиций белорусской и мировой музыкальной культуры, способствующий развитию театрального искусства страны. Шедевры русского и западноевропейского музыкального театра XIX – XX вв. занимают главенствующее место в репертуаре, принципы формирования которого можно условно разделить на три категории. Большой театр предлагает вниманию своих зрителей русскую классику, в том числе XX в., западную классику, включая признанные шедевры нескольких столетий, и специально заказанные сочинения.

Несмотря на то, что театр является академическим, это живой организм, находящийся в постоянном поиске новых творческих идей. Он способствует формированию новых эстетических приоритетов в оперном и балетном искусствах, старается удовлетворить потребность общества в классическом искусстве, влияет на определение зрительского вкуса, позволяет публике знакомиться с лучшими достижениями мировой и национальной музыкальной культуры.

Кардинальная смена трактовок персонажей, их отношений, сценических ситуаций во многих случаях публикой и, в частности, экспертами оценивается как погружение в материал, открытие новых смыслов в классическом шедевре. Это свидетельство востребованности самого жанра – спектакля-акции. Воспринимающим важно осознавать, что спектакль, который они выбирают, находится в тренде: он актуален как социокультурный продукт. А авторы постановки обязаны соответствовать жесткому требованию: ее время должно быть максимально наполнено attention-приёмами – неожиданными, экстраординарными решениями, эффектами, позволяющими удерживать публику в состоянии внимания к происходящему. Причем происходящему на сцене, а не в партитуре. Концепция спектакля-акции исходит не из органичного взаимодействия